

А.М. Селищев

Забайкальские старообрядцы
Семейские

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.М. Селищев**
Забайкальские старообрядцы: Семейские / А.М. Селищев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 98 с.

ISBN 978-5-518-02545-5

ISBN 978-5-518-02545-5

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

вославные или «сибиряки», по терминологии старообрядцев¹⁾ Въ последние годы тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступило въ особенности много воды, такъ что пришлось снести постройки съ насиженныхъ мѣстъ и оставить гумна и огороды. Плохо обстоитъ дѣло и въ Н. Заганѣ. Когда подъѣзжаешь къ этой деревнѣ, со стороны Мухоршибири, то видишь раскинувшееся: топкое болото, а за нимъ протянувшуюся деревню. Заганцамъ селиться, уже некуда стало: съ двухъ сторонъ болота, съ третьей засѣвное поле; а продолженіе долины занимаетъ Старый Заганъ, вплотную примкнувши къ Новому Загану. Въ Ст. Заганѣ населеніе православное. Использовать для построекъ поле нельзя: засѣвная площадь и безъ того невелика,— по двѣ съ небольшимъ десятины на душу²⁾. А нужда въ постройкѣ большая: за годы войны дѣло строительства прекратилось; между тѣмъ полюбовный раздѣлъ во многихъ домахъ хотѣлось бы произвести. Выбравъ то или иное мѣсто, всѣ мужики данной семьи заняты устройствомъ дома для очередного выдѣленія—старшаго сына или брата. «Такъ ужъ у насъ повелось».

Не всѣ села вязнуть въ болотахъ. Иные семейскіе задыхаются въ песчаной пыли. Таково село Тарбагатай. Ни клочка травки не видно на главной и старой улицѣ этого села. Другія двѣ улицы находятся въ болѣе низкой части, вдоль небольшой рѣчки.

Избы семейскихъ—высокія деревянныя постройки. Если подойти снаружи, чуть рукой достанешь до окошка Рамы и карнизы во многихъ избахъ украшены рѣзбой и раскрашены. Хорошіе дома строятъ російскіе плотники. Раньше они заняты были постройкой церквей. Теперь же спросъ не великъ по церковной части. Бѣдноватія села, какъ напр. Хараузъ, похвалиться постройками не могутъ: по большей части избы тамъ низковаты и подслѣповаты. Внутри избы семейскаго чисто, опрятно. Полъ вымытъ и слегка посыпанъ пескомъ, а иногда застланъ самотканной матеріей. Въ переднемъ углу прибиты полки, на которыхъ разставлены иконы стараго письма и мѣдныя восьмиконечныя кресты въ кіотахъ. Тутъ же или на угловомъ столикѣ стоитъ кадильница, лежатъ свѣчи, висятъ лѣстовки (четки); на столикѣ положены «подручники», употребляемые при земныхъ поклонахъ. Въ другомъ углу большая русская печь, иногда раскрашенная какимъ-нибудь узоромъ, преимущественно синими или зелеными цвѣтами и пѣтухами. Въ сторонѣ отъ печи—палаты. Стѣны чисто вымыты. Въ нѣкоторыхъ домахъ по стѣнамъ развѣшаны лубочныя картинки. У хорошихъ хозяекъ на стѣнѣ красуются «карманы»,—длиныя вышитыя полосы темной матеріи; часть такой полосы образуетъ мѣшочекъ, карманъ. Вдоль стѣнъ поставлены лавки. На окошкахъ стоятъ банки съ цвѣтами. Въ углу пріютилась «самопрядка», похожая, хотя и не вполне совпадающая съ прялкой («пряхой», какую я знаю по Орловской губ. Самопрядка у семейскихъ гораздо ниже, чѣмъ у орловскихъ крестьянъ. Конструкция же въ общемъ одинакова. Въ богатыхъ домахъ имѣется еще болѣе чистая изба—горница; стѣнами она соединяется съ общею избою. Въ каждомъ селѣ имѣется «земская квартира» («хватера») для лицъ, проѣзжающихъ по дѣламъ службы для «начальниковъ» (синонимъ «чиновниковъ»). Въ нѣкоторыхъ селахъ земскія квартиры представляетъ собою удобныя, спокойныя, чистыя квартиры. Таковы квартиры въ Куналеѣ, въ Н. Заганѣ, въ Никольскомъ. Любопытна обстановка этихъ квартиръ. Тутъ есть стулья, деревянный диванъ, зеркало Стѣны обязательно

¹⁾ По этой терминологии, православная церковь—сибирская церковь и т. под.

²⁾ По даннымъ Забайкальскаго Областнаго Статистическаго Комитета, душевой надѣлъ при переверсткѣ выразится еще меньшей цифрой: 1184 дес. на 1069 муж. душъ. См. въ «Памятной кнжкѣ Забайкальской области на 1914 годъ. Чита. 914 Стр. 446.

украшены большимъ количествомъ лубочныхъ картинъ. Вотъ наприм. картинное собраніе куналейской квартиры. Отъ иконъ непосредственно идутъ картины: избраніе Михаила Федоровича на царство; «Уродилася я, какъ въ полѣ былинка»; «Машина моему горю причина» (изображаетъ сцены разставанія и одиночества покинутой дѣвушки); подъ этимъ лубкомъ «Варвара великомученица» и «Архистратигъ Михаилъ»; далѣе идутъ картины со сценами цѣзъ великой европейской войны, — картины страшныя, залитыя красной и желтой краской (кровью и огнемъ); среди этихъ картинъ помѣщенъ образъ великомуч. Екатерины; недалеко налѣплена «Счастливая минута» (онъ и она въ подвѣчныхъ костюмахъ наединѣ) и много другихъ. Такой же составъ картинъ и въ другихъ квартирахъ. Въ н.-заганской квартирѣ подборъ картинъ нѣсколько иной: развѣшаны виды Иркутска и Владивостока портреты офицеровъ (—хозяинъ былъ на военной службѣ въ Иркутскѣ), «Сестра Беатрисса»; неподалеку отъ нея пожилая кокотка съ полуобнаженнымъ бюстомъ и гитарой, Походженія шута Балакирева» и нѣк. др. На столикѣ стоитъ будильникъ и «гармафончикъ»; имѣется и альбомъ для открытыхъ писемъ, съ большимъ количествомъ открытокъ въ томъ числѣ и амурныхъ («Вujnost rozkoszna» и др.) Въ каждомъ домѣ имѣется самоваръ. Чай пить семейскіе теперь любятъ. Уже утратила свое значеніе ихъ поговорка. «Кто чай пьетъ, тотъ отъ Бога отчаенъ». Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ семейскіе старики и старухи блюли это изреченіе. Вѣроятно, нѣкоторые строгіе старики и теперь еще воздерживаются отъ чая. Вѣдь это изреченіе находилось въ связи съ тѣмъ, чему учили ихъ справщики и книжники. «Аще кто дерзнетъ пити чай, той отчаеся симъ отъ Господа Бога, да будетъ данъ трима анаѣма». Сдѣлана ссылка на «Книгу Іоанна Назарей архіепискупа антиохійскаго, глава 20, л. 70». Такъ поучается въ старообрядческомъ сборникѣ, бывшемъ въ Забайкальѣ, а теперь находящемся въ б-кѣ Иркут. Дух. Семинаріи, XLV 1797, л. 86). ¹⁾

Дворъ у семейскихъ съ различными надворными постройками раздѣленъ на 2 (обычно) или на 3 части. За дворомъ находится гумно, часть котораго занимаетъ «ладонь» (токъ): тутъ хлѣбъ молотятъ машинами или «молотилами». За гумномъ идетъ огородъ. На широкихъ грядахъ съ толстымъ пластомъ навоза («назьму») въ четыре ряда сдѣланы углубленія («лунки»), а въ нихъ посажены огурцы капуста, брюква («бруква»). Зеленѣетъ на грядахъ также картофель («бульба»), бутунъ, чеснокъ, морковь. Много труда кладутъ женщины у семейскихъ на свои огороды. по разу или по два раза въ день онѣ поливаютъ огородныя гряды. А воду приходится таскать во многихъ мѣстахъ изъ-подъ горы или изъ колодцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гдѣ позволили географическія условія, проведены каналы. Такъ, въ Тарбагатаѣ двѣ каналы орошаютъ огороды. Одну каналу, въ нижней части села, провести легко было. Зато не мало труда положили тарбагатайцы на проведеніе каналы въ верхней части села, позади главной улицы. Большая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ дядѣ Ивану, настоящему провести въ прошломъ году каналу на протяженіи верстъ 6. Отъ этой каналы проведены рукава въ отдѣльные огороды. Иногда дядя Иванъ закрываетъ главную каналу у ея устья, и потокъ устремляется по самой улицѣ для освѣженія, «для воздуху». Дядя Иванъ—старикъ лѣтъ 70 съ лишнимъ, высокій, съ длинной сѣдой бородой, съ коротко остриженными волосами на головѣ Зимой и лѣтомъ онъ ходитъ въ одномъ и томъ же костюмѣ: безъ шапки, въ короткой курмушкѣ, въ ичигахъ, съ палкою въ рукѣ. Всѣ его помышленія въ прошломъ и въ этомъ году были устремлены на каналу. Спитъ и видитъ онъ ее. Иногда вскочетъ но-

¹⁾ Вслѣдствіе типографскихъ затрудненій въ передачѣ текста рукописей опущены надписные значки и раскрыты титла.

чью и спросонья кричитъ: «Ай, канава, канава прорвалась!».—Што ты, вѣдь ты въ избѣ,—проворчитъ старуха, и дядя Иванъ успокоится и заснетъ. За заботливость, которую дядя Иванъ выражаетъ и дѣломъ и еще больше словомъ, громкой руганью за непослушаніе, его прозвали въ селѣ комиссаромъ.—Въ Тарбагатаѣ проведены канавы и по «сѣнокоосу»: водой ея поливають траву.

Около огорода обыкновенно находится баня. Баня топится по черному; но имѣются бани и съ трубами.

Въ каждомъ селѣ, около казенныхъ (съ гласнымъ *е* послѣ *з*, а не *ѵ*) амбаровъ, находятся общественныя сушила для просушки хлѣба. Это покатыя помосты на четырехъ невысокихъ столбахъ: 2 столба по 2½ арш., другія два по 2 арш. Покаты сдѣланъ на югъ. Имѣются и частныя сушила.

Села семейскихъ по количеству домохозяевъ представляютъ собою большія русскія села съ главной улицей, протянувшейся въ нѣкоторыхъ селахъ на нѣсколько верстъ. Вотъ цифры домохозяевъ и населенія къ началу 1919 г. Въ Тарбагатаѣ 539 дворовъ; изъ нихъ 14 единовѣрческихъ, 60 православныхъ («сибирскихъ»), 465 старообрядческихъ. Число населенія 3391. Въ Пестеревѣ старообрядцевъ всего 60 человекъ (всего здѣсь жителей 1279). Въ Куналеѣ 860 домохозяевъ; изъ нихъ 3 нестарообрядческихъ. Общее число жителей 4808. Въ Десятниковой* 396 дворовъ; изъ нихъ старообрядческихъ 26. Число населенія 2096. Въ Надѣиной 290 домохозяевъ при 1606 человекъ населенія; изъ нихъ старообрядцевъ-поповцевъ 1196, безпоповцевъ 218, «сибиряковъ» 193. Въ Куйтунѣ 768 домохозяевъ при 4572 жителяхъ; старообрядческихъ 618 дворовъ при 3708 человекъ (изъ нихъ бѣлокринійцевъ 30 дворовъ и дворовъ 5 безпоповцевъ). Въ Старой и Новой Бряни 570 дворовъ при 4385 жителяхъ. Старообрядческихъ дворовъ 415 (въ Н. Бряни 378, въ Ст. Бряни 37). Въ Бурнашевкѣ 183 домохозяина при 1068 человекъ населенія; старообрядцамъ принадлежатъ 80 дворовъ. Въ Нижне-Талецкомъ жителей 654 человека, изъ коихъ 359 старообрядцевъ. Въ Нижней Жиримѣ 240 домохозяевъ; изъ нихъ 40 принадлежатъ безпоповцамъ-поморцамъ, столько же безпоповцамъ вообще, 115 поповцамъ. Всего здѣсь старообрядцевъ 1118 человекъ. Въ Верхней Жиримѣ 106 дворовъ, изъ коихъ 18 нестарообрядческихъ. Всего населенія здѣсь 632 человека. Въ Мухоршибири 360 домохозяевъ; изъ нихъ старообрядческихъ 180. Общее количество населенія 2409 человекъ. Въ Н. Заганѣ 342 двора при 2350 жителяхъ; нестарообрядческихъ дворовъ здѣсь 10. Въ Шеролдаѣ 470 домохозяевъ, изъ которыхъ 70 нестарообрядческихъ. Число душъ мужск. п. 1530, женскихъ нѣсколько больше. Въ Гашевѣ 104 двора; изъ нихъ 2 нестарообр. Населеніе 577 человекъ. Въ Бичурѣ 1113 домохозяевъ и около 7000 человекъ населенія. Въ Харашибири 380 дворовъ, изъ которыхъ старообрядцамъ принадлежатъ 7; число жителей 2586. Въ Хонхолоѣ 696 домохозяевъ при 4287 человекъ населенія. 170 дворовъ принадлежатъ православнымъ. Старообрядцевъ безпоповцевъ дворовъ 300; прочіе—поповцы, въ числѣ которыхъ имѣются необщинники и общинники (дворовъ 50, имѣютъ свою церковь). Въ Никольскомъ 640 дворовъ, изъ которыхъ только 6 нестарообрядческихъ. Всего населенія здѣсь ок. 4200 человекъ. Поповцы здѣсь дѣлятся на общинниковъ (большинство; имѣютъ большую церковь, священника) и необщинниковъ (имѣютъ свою часовню). Въ Хараузѣ 370 домохозяевъ, изъ нихъ дома 3 нестарообрядческихъ. Всего населенія здѣсь 1052 человека муж. п. и приблизительно столько же женскаго.—Цифрами данными на 1919 годъ для другихъ селъ я не располагаю. По официальнымъ даннымъ, опубликованнымъ въ «Обзорѣ Забайк. Области» за 1908, 1909, 1910, 1914 гг., общее количество старообрядческаго населенія, или на официальномъ языкѣ, раскольниковъ, опредѣляется такими цифра-

ми. Въ 1909 г. во всей Забайкальской области старообрядцевъ было 54587 человекъ (27678 муж. и 26909 жен.); изъ нихъ 94,9% находилось въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ (51820). По сравненію съ 1908 г. населеніе увеличилось на 1913. Въ 1910 г. во всей Забайкальской области числилось 74557 старообрядцевъ (38025 мужчинъ и 36532 жен.); изъ нихъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ 95,7% (71327). Что-то очень великъ выходитъ приростъ населенія въ теченіе одного года: на 19970 человекъ! Процентъ прироста старообрядческаго населенія очень внушительный. Прослѣдимъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ для одного села Бичуры. По архивнымъ даннымъ (Урлущаго и Бичурскаго архивовъ), въ 1808 г. ¹⁾ въ Бичурѣ было 610 душъ об. п. (м. 300, ж. 310). На слѣдующій годъ показана цифра бичурскаго населенія 652. Въ 1825 г. Бичура имѣла 614 м и 584 ж; изъ нихъ старообрядцевъ 530 м. и 539 ж. (всего 1069). Въ 1830 г. старообрядцевъ 619 м. и 657 ж. (правосл. 101 м. и 50 ж.). Въ 1860 г.—1178 м и 1258 ж. (всего 2436). Правосл.—172 м. 102 ж.; единовѣрцевъ—25 м., 30 ж. Итакъ, съ 1808 г. до 1830 г. старообрядческое населеніе въ Бичурѣ увеличилось вдвое (610, 1276). За слѣдующія 30 лѣтъросло населенія еще вдвое. За послѣднія 58 лѣтъ, къ 1919 г., бичурское населеніе увеличилось больше, чѣмъ въ 2½ раза. За 110 лѣтъ съ 1808 до 1919 г. населеніе тамъ возросло до 7000 человекъ, т. е. увеличилось въ 11,3 раза. Домовъ въ Бичурѣ въ 1825 г. показано 150; къ этому надо присоединить домовъ 30 нестарообрядческихъ. Къ 1919 г. тамъ было 1113 домохозяевъ

Мы располагаемъ свѣдѣніями о количествѣ дворовъ (семействъ) старообрядцевъ, относящимися еще къ болѣе раннему времени, къ первымъ годамъ ихъ жизни въ Забайкальѣ. Именно, П. С. Палласъ, путешествуя по Сибири, объѣздивъ и Забайкалье (въ апрѣлѣ—іюнѣ 1772 г.). Онъ побывалъ и въ селахъ, гдѣ лѣтъ 6 тому назадъ, по его свѣдѣніямъ, поселились «польскіе колонисты», т. е. предки нашихъ семейскихъ, пришедшіе изъ Польши, и записалъ количество ихъ дворовъ въ той или иной деревнѣ. Такъ, въ Тарбагатаѣ было тогда 10 дворовъ (теперь 479), въ Хонхолоѣ 28 (теперь 526), въ Куйтунѣ 50 (теперь 618). Всего въ Тарбагатайскомъ округѣ, куда входили между прочимъ села Бурнашевка, Пестерева, Куйтунъ, Куналей, Брянь, число «новопоселенныхъ колонистовъ» Палласъ опредѣляетъ цифрой 460 ²⁾.

Семейскіе—народъ рослый, здоровый, красивый. Нерѣдки старики и старухи 80—90 лѣтъ. Но молодое поколѣніе уже мельчаетъ. По цвѣту кожи и волосъ отмѣтимъ слѣдующее. На-ряду съ великорусскимъ свѣтлымъ типомъ встрѣчаются и смуглолицые, съ большими карими глазами. «Смотри, какіе мы чумазные»,—замѣтилъ мнѣ одинъ старикъ въ Тарбагатаѣ. «Вѣрно, повелось такъ отъ хохлоя, когда дѣды наши въ Польшѣ жили» ³⁾. Брань какъ душегубительный грѣхъ, строжайше воспрещается. Вернувшіеся съ военной службы епитиміей и покаяніемъ обязаны очистить свой грѣхъ невольной мерзости бранитія. Воспрещается подходить къ кресту и къ иконамъ, пока не изгладятся слѣды богомерзкаго скобленія,—слѣды «блудолюбиваго образа прелести, душегубительныя помраченныя ереси, иже остругати браню» (отъ Потребника печати Іосифа патріарха, л. 443) До сихъ поръ еще блюдутся настойчивыя и суровыя осужденія этой римской папской ереси (см. ниже).

¹⁾ Цифровыя данныя архивовъ извлечены изъ цитир. статьи П. А. Ровинскаго стр. 125—132

²⁾ P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. III. St. Ptb. 1776, стр. 160, 165, 168, 257, 258.

³⁾ Цифровыя данныя антропологическихъ измѣреній см. въ брошюрѣ Ю. Талько-Гринцевича: «Къ антропологии великороссовъ». Томскъ. 1898 — Къ сожалѣнію, количество субъектовъ, имѣющихъ измѣренія, незначительно.

Костюмъ женщины сохраняется издавна. Вотъ «обрядъ» замужней женщины. На головѣ *кичка*, сшитая изъ стеганой матеріи; имѣетъ видъ шляпы безъ полей, болѣе высокой спереди и нѣсколько понижающейся къ затылку. Передняя часть кички снизу имѣетъ неширокую полосу, вышитую бисеромъ. Но носятъ кички и безъ бисера. Молодухи вмѣсто бисерной полоски оторачиваютъ кичку снизу кучерями (*кучери*),—каймою изъ закругленныхъ гусиныхъ перышекъ. По затылку спущень *назатыльникъ*, шитый позументомъ. (Надѣвается въ праздничные дни и то не всѣми) Кичка покрыта шалью такъ, что два конца перевязываются спереди на кичкѣ и прячутся книзу; два другіе конца спускаются книзу, покрывая шею (см. прилож. снимки). Пожилыя женщины перевязываютъ покрытую кичку свернутымъ платкомъ: накладываютъ подъ подбородокъ, а концы завязываютъ на головѣ. Въ праздничные дни, въ торжественныхъ случаяхъ, надѣваютъ *кокошникъ*. Онъ имѣетъ видъ широкой туфли, шитой золотомъ или позументомъ. Онъ надѣвается на кичку и по бокамъ покрывается платкомъ (шалью). Кокошникъ старообрядческой женщины на Чикоѣ отличается отъ вышеописаннаго болѣе высокимъ и угловатымъ покроемъ (см. на снимкѣ). Теперь кокошникъ надѣваютъ рѣдко. Я не видѣлъ ни одной женщины въ кокошникѣ. Съ видомъ и устройствомъ его я познакомился, только разсматривая женскій «обрядъ», хранящійся въ сундукахъ. Раньше обязательно, а теперь рѣдко, къ вѣнчанію молодая приготавливала кокошникъ; попъ въ церкви освящалъ его, возлагая на престолъ. Цвѣтная (обычно не узорами) рубашка съ глухимъ воротникомъ. Цвѣтъ рубашки разный: синій, красный, желтый. Цвѣтъ ея не совпадаетъ съ цвѣтомъ сарафана. Рукава доходятъ до кисти руки. По плечамъ и около локтя могутъ быть неширокія нашивки. *Сарафанъ* цвѣтной, яркаго цвѣта, съ большими рѣзкими цвѣтными узорами (обычно въ видѣ піоновъ и т. под. крупныхъ цвѣтовъ). Внизу сарафана нашита цвѣтная полоска, рѣзко отличающаяся по цвѣту отъ сарафана. Могутъ быть и двѣ полоски, но по цвѣту разныя: вотъ лиловатый сарафанъ; по нему двѣ полоски: красная и повыше малиновая. Сарафанъ опоясывается самотканымъ поясомъ. Узоръ пестрый, съ геометрическими фигурами. Сотканъ поясъ великолѣпно.—Такіе же пояса носятъ и парни.—Сбоку подвязанъ вышитый *карманъ*. Впрочемъ, теперь его носятъ рѣдко. Фартукъ («запонъ») цвѣтной (иного цвѣта по сравненію съ цвѣтомъ рубашки и сарафана) покрываетъ переднюю часть сарафана и доходитъ до половины груди. Шнуромъ онъ держится на шеѣ, а на талии онъ скрѣпляется также шнуромъ или тесьмой. Бусы украшаютъ грудь. Шнурокъ съ крестомъ надѣтъ также поверхъ рубахи. Крестъ всегда запрятанъ подъ фартукъ. На ногахъ сапоги съ широкими подборами. Смотря по погодѣ, надѣваютъ *курмушку* или *халатикъ*. Курмушка или *курма*—короткая одежда въ родѣ жакета съ клиньями. Шьется изъ плиса. Халатикъ доходитъ до колѣнъ. Онъ набрасывается на плечи, надѣтъ «на-расташку». Когда же итти въ церковь, полагается надѣтъ его на-рукава. Въ теплую погоду вмѣсто халатика покрываются длиннымъ платкомъ: двумя концами онъ стягивается подъ подбородкомъ, а всею прочею частью (не сложенной вдвое) спускается съ головы назадъ. На пальцахъ носятъ кольца. У старухъ (немногихъ) я видѣлъ на рукѣ мѣдный браслетъ («брушлетъ»). По объясненію одной старушки, браслеты носятъ будто бы для облегченія рукъ при жатвѣ (с. Никольское)

Двушкамъ кички носить, конечно, не полагается. Вмѣсто нея онѣ носятъ головныя повязки, иногда съ жемчужными привѣсками. Такой уборъ отмѣчаетъ Ю. Д. Талько-Грынцевичъ на югѣ ¹⁾. Головную повязку съ *рясами* указывалъ въ 70-хъ г.г.

¹⁾ «Семейскіе (старообрядцы) въ Забайкальѣ». Протоколъ Троицкосавско-кяхтинскаго Отдѣленія Приамур. Отд. Р. Г. Обва. № 2 (1894), стр. 28

и П. А. Ровинскій. Но я такой повязки въ посѣщенных мною селахъ не встрѣчалъ. Я замѣтилъ лишь, что дѣвушки надѣваютъ головную повязку, когда онѣ идутъ въ церковь (с. Никольское) Ни одной дѣвушки и дѣвочки безъ повязки я не видѣлъ въ церкви. Повязка представляетъ слѣдующее: картонъ, вырѣзанный въ формѣ серповиднаго кокошника, обертывается платкомъ (шалью¹, концы котораго перевязываются на затылкѣ и спускаются книзу. «Она при бумашки», говорятъ о дѣвушкѣ съ такой повязкой. Грудь у дѣвушки въ изобиліи украшена бусами (см. снимокъ).

Рубаха *мужчины* обычная великорусская. Въ рубахахъ стариковъ замѣтилъ слѣдующее отличие: воротника почти нѣтъ: онъ замѣненъ узенькой полоской. Обычно рубаха и штаны шьются изъ покупной матеріи. Но носятъ рубахи и изъ самотканнаго холста, окрашеннаго въ сѣнюю краску. Изъ такого же холста шьютъ и штаны. Покрой штановъ: очень широкіе, съ напускомъ. Молодежь уже шьетъ узкіе штаны. На ногахъ обычно *ичи*, иногда сапоги. На головѣ носятъ небольшую валяную шляпу. Встрѣчаются молодые мужики и ребята съ серьгой въ лѣвомъ ухѣ. На рубаху, смотря по погодѣ, надѣваютъ поддевку или курму (курмушку). Поддевка короткая, недоходящая до колѣнъ. Курма или курмушка имѣетъ такой же покррой, какъ у бабъ. На югѣ, въ глухихъ мѣстахъ, молодежь носитъ куртики со стоячимъ воротникомъ, съ вышитыми разноцвѣтнымъ шелкомъ лацканами. Поддевка, курма и куртикъ сшиты изъ плиса. Молодежь не строго держится стараго покроя платья: носятъ пиджаки, картузы. Когда идутъ въ церковь или въ моленную, надѣваютъ обязательно *халатъ*. Въ халатѣ стоятъ въ церкви и старики, и парни, и ребяташки.

Исключительное занятіе семейскаго—*земледѣліе*. Въ обработкѣ поля онъ чрезвычайно трудолюбивъ. Нѣтъ ни одной полоски удобной земли, которую онъ тщательно не приспособилъ бы для посѣва, хотя и не всегда получаетъ вознагражденіе за свои труды, вслѣдствіе неблагоприятныхъ климатическихъ условій. Пашню—паръ семейскій обязательно троить; двоить рѣдко. «Два раза вспашешь,—2 хлѣба возьмешь. Три раза вспашешь,—3 хлѣба возьмешь». Пашутъ не только мужчины, но и бабы и дѣвки: «работники дорогі».

Трудолюбіе семейскихъ и результаты его были отмѣчаемы съ самыхъ первыхъ лѣтъ ихъ поселенія въ Забайкальѣ. Въ 1772 году Палласъ обращаетъ особое вниманіе на «большой трудъ и прилежаніе» и на «чрезвычайный успѣхъ» «польскихъ колонистовъ». Онъ же описываетъ и нѣкоторыя стороны хозяйственной жизни забайкальскихъ старообрядцевъ (см. ниже). Въ 20 хъ г. г. прошлаго столѣтія с Тарбагатай посѣтилъ А. Мартосъ и въ своихъ «Письмахъ о восточной Сибири» (М. 1827, стр. 115) отмѣчаетъ у семейскихъ «страсть къ землепашеству», «неутомимое прилежаніе, дѣятельность». Такіе же отзывы о нихъ оставили и декабристы, проходившіе черезъ старообрядческія села въ Петровскій заводъ. «Все у нихъ [у тарбагатайскихъ старообрядцевъ] соотвѣтствовало одно другому: отъ дома до плуга, отъ шапки до сапога, отъ коня до овцы—все показывало довольство, порядокъ, трудолюбіе». Такъ отзывался о нихъ декабристъ А. Е. Розень¹). Такъ же характеризуются семейскіе и въ послѣдующее время. «Крѣпкій физически и нравственно, семейскій мужественно ведетъ борьбу съ природой: разрубаетъ лѣса, осушаетъ болота и обращаетъ ихъ въ плодородныя нивы и тучныя луга; по общему отзыву, *семейскимъ* главнымъ образомъ весь верхнеудинскій округъ обязанъ благосостояніемъ». Такъ писалъ въ 1871 г. П. А. Ровинскій²). Большое культурное значеніе семейскихъ для Забайкалья отмѣча-

¹) Записки барона А. Е. Розена. «Отеч. Записки», 1876 г., № 4, 412.

²) Изв. Сиб. Отд. Р. Г. Об ва Т. III, № 3, 122—123.

еть и официальный отзыв о них: «Особенно важное значение для края имело появление въ Забайкальѣ на жительство раскольниковъ старообрядцевъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «семейскихъ», поселившихся въ Верхнеудинскомъ округѣ». Такъ говорится о семейскихъ въ «Приложеніи къ Всеподданѣйшему Отчету Воен. Губ. Забайк. Области»¹⁾.

Какъ живетъ старообрядческое населеніе? Какія болѣсти и чаянія его?

Прежде всего въ каждомъ селѣ отъ cadaго собесѣдника я слышалъ неизбѣжную жалобу на недостатокъ земли. Отъ старика и старухи до парнишки всѣ въ одинъ голосъ вопили: земли мало, земли дайте, хлѣба недостаетъ, сѣна не хватаетъ. И эти вопли не жадность семейскихъ. Съ землей обстоитъ у нихъ дѣло не благополучно. Посѣваемая площадь недостаточна. На душу приходится отъ 2—2¹/₂ до 5 (рѣдко) десятинъ. Есть и такія села, гдѣ душевой надѣлъ удобной пахотной земли меньше 2 десятинъ. Такъ, напр., въ Билютомъ (Окино Ключевской вол.), по оффиц. даннымъ 1914 г., пахотной земли 711 десятинъ, число мужскихъ душъ 452. Въ Урлукѣ 4289 десятинъ при 3203 муж. душъ. Сравните въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ въ Забайк. Области», находящемся въ «Памятной книжкѣ Забайкальской Области на 1914 г.» (Чита 1914). Къ тому же, то холодъ повредитъ урожаю, то градъ выбьетъ, то «кобылка» поѣстъ. Въ с. Тарбагатаѣ и Куналеѣ уже 2 года, какъ нѣтъ урожая. А въ с. Хараузѣ ежегодно, кажется, недостаетъ своего хлѣба. Кормятся хлѣбомъ, привозимымъ изъ южныхъ селъ съ Хилка, главнымъ образомъ изъ Бичуры. Въ послѣднее время на деньги тамъ не хотятъ продавать хлѣбъ: обмѣниваютъ на женскіе наряды. Недостатокъ надѣльной земли заставляетъ крестьянъ арендовать землю у бурятъ. Почти каждый домохозяинъ снимаетъ по мѣрѣ своихъ силъ то или иное количество земли у бурятъ. Арендная плата въ этомъ году 80—120 р. за десятину. Бываютъ и инныя условія: крестьянинъ обязывается вспахать и засеять своими сѣменами бурятскую землю, сжать и обмолотить, а зерно и солому раздѣлить пополамъ съ владѣльцемъ земли («сѣить съ половины»). Но не каждому крестьянину буряты сдаютъ землю. Нѣкоторымъ они отказываютъ по какимъ-нибудь соображеніямъ... «Любить, чтобы кланялись ему. Заламаетца, а ты просишь его: талаша дай землицы». «Они—наши помѣшныки»,—обычно говорятъ тамошніе крестьяне и выражаютъ весьма энергичныя претензіи завладѣть частью бурятской земли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была назначена особая коммиссія, которой произведенъ былъ осмотръ бурятской земли и намѣчены были участки для передачи крестьянамъ. При большевикахъ эти участки были утверждены за крестьянами. Но въ настоящее время эта земля остается пока объектомъ претензій крестьянъ. «Хлопочимъ, но наша сила у тукъ нейдеть». Пока семейскіе ожидаютъ законнаго общаго передѣла земли, не хотятъ «итить на силокъ, нахратомъ брать». Но это терпѣніе не прочно. При переживаемомъ безвременьѣ эти претензіи могутъ повести къ печальнымъ результатамъ. Не претендуетъ на бурятскую землю только населеніе Харауза,—и то потому, что эта земля далеко отъ нихъ. Но у хараузцевъ въ теченіе 40 лѣтъ идетъ споръ съ крестьянами сосѣдняго с. Никольскаго изъ-за покосной площади. Отвѣтъ на свои жалобы хараузцы получали отъ властей слѣдующій: «Право на спорную площадь покоса принадлежитъ вамъ;—жалуйтесь». А жаловавшимся никольцамъ тѣ же власти говорили: «Вы фактически пользуетесь этой площадью и продолжайте пользоваться». Хараузцы показывали мнѣ много документовъ, оправдывающихъ ихъ претензіи. Въ областномъ земельномъ комитетѣ обѣщали рѣшить этотъ вопросъ къ

¹⁾ Обзоръ Забайк. Области за 1881 г. Стр. 3

концу іюля. Въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи жалобы хараузцевъ послѣдніе не прочь прибѣгнуть къ оружію и «на-грудки лѣзть». Не благополучно обстоитъ дѣло съ сѣнокосами и выпасомъ и въ другихъ селахъ. Въ особенности тяжело приходится заганцамъ. У нихъ есть небольшой участокъ подъ покось. До 1 іюня ст. ст. скотъ пасется тамъ. Но съ 1 го іюня покось запирають, и скоту пастись совершенно негдѣ. Остается только болото у села, куда рискуютъ залѣзть однѣ свиньи

Молодой скотъ семейскіе сдаютъ на пастбище бурятамъ за извѣстное вознагражденіе. Получаютъ скотъ обратно не безъ урона. Отдавать молодой скотъ «на лѣтнюю кормежку бурятамъ издавна практикуется тамъ. Такъ дѣлали уже въ 70 хъ г. г. XVIII-го в.: указаніе на это имѣется у Палласа (III, 168).

Чтобы поправить свои дѣла по хозяйству, семейскіе ходятъ на заработки на желѣзнодорожныя станціи или на пріиска (на Олекму, на Зею). Много уходитъ на заработки изъ селъ Харауза, Никольскаго, Хонхолоя, Тарбагатая, Мухоршибири и нѣкоторыхъ другихъ. По пріискамъ давно уже ходятъ. Въ 1882 г., напр. ушло изъ Мухоршибири 780 человекъ¹⁾ На пріискахъ теряютъ нерѣдко здоровье и жизнь. Тѣ, кто не забалуется на чужой сторонѣ, возвращаются домой съ деньжонками. Удаётся не только поправить дѣла по хозяйству, но и скопить небольшой «капитуль». — «Ну, и раздулъ кадила. — говорятъ о разбогатѣвшемъ.

Затруднительное положеніе у себя на родинѣ, принуждаетъ семейскихъ искать болѣе свободныхъ земель и переселяться. Тянутся на Амуръ. На Троицу изъ Мухоршибири направилось туда 10 семей

Другое обстоятельство, угнетающее семейскихъ, — это современная неурядица. Будетъ ли порядокъ? — опять неизмѣнный вопросъ задававшійся мнѣ на каждомъ шагу мужиками. «Видно намъ не дожить до порядку! — меланхолично замѣчали вздыхая, старики. Неурядицей вызвано и ненадежное настроеніе мобилизованныхъ. Семейскіе, какъ, повидимому, и прочіе тамошніе крестьяне, не понимаютъ значенія борьбы съ большевиками. «Богъ вѣсть, зашто народъ убираютъ! Партіи борютца, а народъ пошто мѣшають?» — Это замѣчаніе не разъ приходилось слышать въ деревнѣ. «Будь порядокъ, мы солдатъ дадимъ. Какъ можно безъ войскъ? Никакъ нельзя. А таперь парней взяли, а тамъ ихъ смущаютъ, — говорятъ: вы не идите за Кульчука, и тащутъ на другую сторону. Иные на свою сторону манють. А наши парни глупые, — мы народъ темный, — бояцца: возьметъ верхъ другая «партія» и будетъ наказывать солдатъ, — вотъ бѣгутъ и бѣгутъ. Насъ стариковъ наказываютъ, а мы што съ парнями подѣлаемъ: оны намъ на глаза не показываются».

Очень беспокоятъ семейскихъ недоразумѣнія въ средѣ нашихъ союзниковъ. Первый большой вопросъ, предложенный мнѣ въ Тарбагатаѣ, былъ такой: «А какъ на-шшэтъ войны Америки съ Японіей?» — Какой войны? — переспрашиваю я. «А въ Удинскимъ на Березовкѣ, ужъ окопы вырыты». Этотъ вопросъ мнѣ задавали въ каждомъ селѣ. Съ перваго разу меня считали въ селѣ, куда я пріѣзжалъ, за американца и относились благожелательно. «Маланья! пошто сходи собирають? — кричитъ одна баба другой (въ Хонхолоѣ). «Американецъ пріѣхаль, подписи брать, на чьей мы сторонѣ,» — отвѣчаетъ та «Американецъ», т. е. я, сидѣлъ около одной изъ этихъ бабъ и мирно бесѣдовалъ объ огородѣ. «А зачѣмъ японцы недавно пріѣзжали и планы снимали? — освѣдомляются у меня въ Хараузѣ собравшіеся въ волости старики.

¹⁾ «Сибирь» 1882 г., № 5

И еще постоянныя жалобы сельскихъ обывателей: подати не по силамъ. 40—42 рубля съ души земскихъ налоговъ; кромѣ того волостныя подати, а тутъ еще въ нѣкоторыхъ подоходный налогъ: 100—300 рублей на домохозяина. Гдѣ намъ взять такія деньги? Эвонъ дядя Хома, — одинъ, сынъ въ солдатахъ у самого ноги болятъ а подоходный налогъ плати,—100 рублей. Хорошо, если можно хлѣба продать. А мы его сами покупаемъ (въ Тарбагатаѣ, Куналеѣ, Хараузѣ). Нынче правительство не народное.—Почему?—А зачѣмъ оно противъ народу. — Чѣмъ?—Податями. Слѣдовало далѣе перечисленіе податныхъ тяготъ

Мѣстные представители власти, чины милиціи отчасти способствуютъ успокоенію, но только отчасти. Изъ положительныхъ сторонъ ея дѣятельности надо указать на энергичное преслѣдованіе разбойническихъ шаекъ. Это сознаютъ и крестьяне. Но не меньше и жалобъ на милицію. Она заводитъ кумовство съ преступными элементами, потворствуетъ имъ, не отзывается на обиды, чинимыя ими, пьянствуетъ. «Какой это начальникъ! Вчера стоялъ подъ березкой и грабилъ а таперь милиція,»—во всеуслышаніе раздавалось по селу. Вообще въ такой аттестаціи милиціи въ селахъ не стѣснялись, и громче всѣхъ выражалось недовольство со стороны «женскаго полку». Въ селѣ Никольскомъ рассказывали, какъ отыскивали оружіе у одного богатаго мужика: избили до полусмерти, въ ротъ навозъ («назѣмъ») забивали; довели до того, что бѣдняга разумомъ повредился. А пьянство до того доходитъ, что одинъ милиціонеръ арестовываетъ другого; бываетъ, что младшій сажаетъ подъ арестъ старшаго. Единственное сдерживающее начало для сельской милиціи—уѣздный начальникъ, страхъ передъ которымъ кое-въ-чемъ останавливаетъ блюстителей порядка.

Отношеніе къ «большевизнѣ» сочувственное. Эти села только слышали программныя рѣчи большевиковъ и видѣли ихъ бѣгущими послѣ своего паденія. По мѣстамъ съ благодарностью вспоминаютъ, что большевики разрѣшили воспользоваться крестьянамъ спорной бурятской землей. Вернушіеся военнопльнные своими рассказами о голодающихъ деревняхъ Европейской Россіи нѣсколько поколебали надежды на большевицкое благополучіе.

Вотъ нѣкоторые факты для представленія о политическомъ «умонастроеніи» семейскихъ. Но изъ этихъ фактовъ невозможно сдѣлать опредѣленнаго заключенія о политическихъ тенденціяхъ семейскихъ. Могу лишь еще замѣтить что ихъ весьма беспокоитъ отсутствіе главы государства,—отсутствіе «хозяина». Кого бы они желали видѣть «хозяиномъ», президента или монарха? Эготъ вопросъ, боясь быть заподозрѣннымъ, я избѣгалъ предлагать. Но нерѣдко въ разговорѣ со стариками для меня представлялось, что этотъ вопросъ они рѣшили-бы такимъ образомъ: хорошо-бы, если-бы тамъ, гдѣ то вверху, сидѣлъ царь,—сталъ бы порядокъ въ государствѣ, а поближе къ намъ, къ народу, правителями были бы большевики или вродѣ нихъ. Въ Тарбагатаѣ мнѣ передавалъ старикъ, какъ одинъ старообрядецъ, ученый человекъ, дивно начитанный, говорилъ, что въ Учредительномъ Собраніи будутъ выбирать хозяина земли русской по писанію; а писаніе укажетъ-де, что долженъ быть царь.

Семейскій—трудолюбивый земледѣлецъ. Все, что выходитъ изъ традиціонныхъ рамокъ обрабатыванія земли, мало привлекаетъ его вниманіе, если не затрагиваетъ его жизненныхъ интересовъ. «Мы народъ глупый, темный, необразованный,—знаешь—семейшына» и т. п. выраженіями аттестуютъ себя семейскіе.—Нѣтъ, говоришь имъ,—народъ вы не глупый, сметливый, но, что правда,—народъ темный. Школьное дѣло въ селахъ семейскихъ стоитъ на крайне низкой ступени. Можно сказать, школы у

нихъ нѣтъ. Грамотнаго человѣка въ селѣ не легко найти. Если найдешь, то окажется, что грамотѣ онъ обучился на военной службѣ. Въ 7 волостяхъ, посѣщенныхъ мною, я не встрѣтилъ ни одного грамотнаго предсѣдателя. Въ огромномъ селѣ Куналеѣ при моемъ приѣздѣ не было секретаря (писаря). Уже съ недѣлю какъ ушелъ. За это время набралось много казенныхъ пакетовъ въ волости. Можетъ быть, тамъ были и срочныя дѣла. Кто ихъ знаетъ. Новаго секретаря, который прочиталъ бы эти пакеты, не подыскали еще.

Единственнымъ мѣстнымъ источникомъ мудрости является уставщикъ (уставщикъ) или справщикъ. Онъ обучаетъ кое кого изъ ребятъ церковно-славянской грамотѣ, чтобы они могли, лѣтъ черезъ 5 обученія, прочитать на «клыросѣ» часы, шестопсалміе или кануны. Къ обученію же гражданской грамотѣ уставщики относятся недоброжелательно и тормозятъ дѣло народнаго образованія. Они рѣшительно встаютъ противъ открытія школъ, угрожая отлученіемъ отъ общины.—«Не буду хоронить, не пушу въ церковь, въ молитвенный домъ»,—грозно заявляетъ уставщикъ своему послушному темному стаду. Въ минувшемъ году былъ съѣздъ уставщиковъ, и на этомъ съѣздѣ было постановлено ими: «школъ не открывать». Забыто или обойдено изреченіе изъ словъ Іоанна Златоустаго, которое имѣется въ ихъ старообрядческихъ сборникахъ: «Сладостенъ убо цвѣтникъ и рай; много же сладостнѣе книжное прочитаніе и разумъ». Уставщики—страшное зло въ семейскихъ обществахъ. Эти мракобѣсы губятъ тѣло и душу простаго человѣка,—губятъ произволомъ своей церковной власти. Сами они, бредя по церковнымъ книгамъ, совершенно не разумѣя самаго простаго текста и наивно толкуя его, мнятъ себя непогрѣшимымъ кладяземъ премудрости. Вотъ образецъ глубины и чистоты этого кладязя. Одинъ изъ передовыхъ молодыхъ старообрядцевъ, желая показать всю глупость и надутость своего уставщика, нежелавшаго приглашать учителя для ребятъ, вызвалъ его на грамматическій споръ. Тотъ принесъ свои непогрѣшимыя книги. И въ этихъ книгахъ встрѣтилось названіе падежа - родительный, —и числа—множественное.—«Что это такое?»—спрашиваетъ молодой старообрядецъ.—«Это,—грубо кричитъ во все горло уставщикъ,—это по нашему Сусой, а если Сисой, то это будетъ значить родительный.—Зимомъ по старообрядческимъ селамъ Верхнеудинскаго у. проѣзжалъ земскій школьный инструкторъ, самъ старообрядецъ. Всѣ его усилія, всѣ увѣщанія на основѣ святоотеческихъ писаній остались напрасны. Тотъ уставщикъ сорвалъ сходъ, другой терроризовалъ стариковъ, запугавъ ихъ муками ада, а тамъ этотъ инструкторъ возбудилъ къ себѣ подозрѣніе, какъ отступникъ, служащій въ земствѣ. «Служу въ земствѣ»—одного этого было достаточно для того, чтобы тонъ разговора сейчасъ же измѣнился въ худшую сторону. А въ огромномъ селѣ Бичурѣ рѣчь инструктора прерывалась шумными криками: «Не надо намъ этого! Жили мы и безъ школы, да цѣлы были». Отрицательное отношеніе къ школѣ вызывается не только внушеніемъ мракобѣсія уставщиковъ, но и подозрительностью семейскихъ, развившеюся на основѣ горькихъ опытовъ прошлаго въ ихъ жизни,—ихъ боязнью, какъ бы не попасться въ ловушку. «Мы боимся,—говорили н.-жиримскіе старообрядцы инструктору,—что насъ обманутъ и насильно потомъ принудятъ къ тому, что намъ не нравится». Школы въ нѣкоторыхъ селлахъ существуютъ. Но посѣщаемость ихъ весьма незначительна, и немногіе учащіеся принадлежатъ не къ старообрядцамъ. Изрѣдка встрѣчаются въ школахъ и дѣти послѣднихъ. Состояніе школъ, которыми могли бы располагать старообрядцы, чрезвычайно тяжелое. Населеніе относится къ нимъ безучастно. Вотъ огромное село Бичура. Для здѣшнихъ старообрядцевъ имѣются 2 школы. Но обѣ онѣ влачатъ жалкое существованіе, въ особенности одна изъ нихъ. «Во